

НИНА
ЛИНДТ

ГОВОРЯЩАЯ
С ПРИЗРАКАМИ

2

ДЕМОНИАДА

Нина Линдт
Говорящая с
призраками. Демониада
Серия «Говорящая с
призраками», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63760176

Аннотация

Прыгнуть через магический костер Матери – еще полбеды. А вот как быть с архангелом, открывшим на тебя охоту, демоном, который так и норовит соблазнить, и призраком папы римского, которого ты сама же и откопала в подземельях Ватикана? Не знаешь? А придется думать быстро: Зло копит силы и уже идет по твоим стопам, Настя...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	24
Глава 3	56
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Нина Линдт Говорящая с призраками. Демониада

*Я не для ангелов и рая
Всесильным богом сотворен;
Но для чего живу страдая,
Про это больше знает он.*

М.Ю. Лермонтов

Глава 1

Люцифер был огромен и мощен. От страха перед падшим ангелом внутри худощавого и увертливого существа все замирало, а лысый хвост с острым как нож кончиком нервно бился о землю, случайно вонзился в нее и долго дергался, прежде чем освободиться.

– Когда?

Язык был такой древний, что худощавое существо расшифровывало его с трудом. Язык стихий и ветра.

Услужливо поклонившись, существо шепнуло:

– Скоро, повелитель. Она почти наша.

– Поторопитесь.

Люцифер отвернул свою чешуйчатую уродливую голову от вертлявого шайтана. Скоро, Самаэль... Скоро твоя власть кончится. И ты заплатишь за все зло, что причинил ангелам и демонам.

В окно загородного дома светило солнце, в открытую форточку рвался, надувая паруса тонких занавесей, свежий весенний воздух и дышал в лицо женщине, которая спала на большой двуспальной кровати. Она лежала на одной ее половине, а вторая была свободна. Ощущая сквозь сон прохладу и свежесть утра, Ирина все больше куталась в пуховое одеяло, отворачиваясь от света, но понимала, что придется встать. Нехотя отбросила одеяло, захлопнула форточку и тут же вернулась в постель, ежась и греясь в теплом уютном гнездышке.

Едва она снова улеглась с блаженной улыбкой и затихла, послышался шорох возле двери. Кто-то скребся в нее, пытаясь открыть, и наконец дверь поддалась. В комнату вошла серая кошка и тут же прыгнула на хозяйку, устраиваясь на одеяле. Она мяла его лапами, словно проверяя на мягкость и нащупывая место поудобнее, и в конце концов устроилась на животе у хозяйки.

Хотелось лежать так как можно дольше, продумывая дела на день, и ничего не делать, чувствуя легкую негу во всем теле. Но нега постепенно сменялась усталостью, которая бывает по утрам, если долго лежать в постели, и Ирина нетер-

пеливо пошевелилась. Надо было спускаться вниз, готовить кашу детям, кормить кошку... Она представила себе аромат утреннего горячего кофе и даже улыбнулась от удовольствия. Эта мысль дала ей сил на то, чтобы сбросить кошку, откинуть одеяло и встать, схватить халат и завернуться в него. Она вышла в коридор. Комнаты детей были закрыты, в коридоре царил приятный сумрак и было теплее, чем в комнате. Не спеша умылась, спустилась вниз по деревянной лестнице и стала готовить кашу и кофе. Кошка побежала следом и теперь терлась об ноги, приподнимаясь на задних лапах и волной своего гибкого тела ласкаясь о хозяйку.

Кошке было два года, и она напоминала несурзного подростка, эдакого гадкого утенка, и Ирина улыбалась, когда шелковистая шкурка скользила по ее обнаженным ногам. Вскоре кошка подала голос, требуя завтрак, но хозяйка игнорировала ее, продолжая несложные неторопливые манипуляции с туркой. И только когда кухня заполнилась ароматом кофе, Ирина подошла к холодильнику. Бросив кошке рыбы, она включила радио, нашла музыку погромче, такую, что выбивает ударными все мысли из головы, и начала пританцовывать, засунув в рот кусочек сыра. Напевая себе под нос, она разложила тарелки на столе, нарезала хлеб, расставила еду, стаканы с кефиром и наконец присела, чтобы насладиться своим кофе до того, как разбудит детей.

Это было первое утро, когда ей стало казаться, что жизнь начинала налаживаться после стольких мрачных зимних

дней, горестных событий и пролитых слез. С приходом весны Ирина ощутила в себе новые силы, желание справиться со всеми трудностями и заново начать жизнь вместе с детьми и этой серой глупой кошкой. Она воспользовалась тем, что бухгалтеру позволяли брать работу на дом, и на школьные весенние каникулы поехала с детьми за город, чтобы отдохнуть и закончить некоторые дела.

Когда кофе оставалось совсем немного, она поднялась и, подойдя к деревянной широкой лестнице, крикнула детям, чтобы они вставали.

Дом, в котором они жили, был большим, трехэтажным, со спальнями на втором этаже, гостиной на третьем, кухней и просторным холлом – на первом. Вскоре наверху послышалась музыка: это проснулась Наташа, старшая дочка Ирины. Наташе шел шестнадцатый год, она училась в школе и занималась балетом, и Ирине стоило каждый раз больших трудов заставить ее нормально питаться. Ее талант и легкость хвалили все учителя и в один голос прочили ей большое будущее.

Ирина слушала музыку и представляла свою дочь, в розовой маечке и шортиках делающей зарядку, слышала, как она время от времени в перерывах между песнями забежала в комнату Саши и пыталась его разбудить. Саша, в отличие от Наташи, был соней и вставал с трудом, раньше его мог поднять только отец, а теперь Ирине и Наташе стоило больших усилий повторить подвиг папы, потому что Саша

не принимал во внимание их требование «встать сию же минуту».

Ирина сделала глоток и с наслаждением зажмурилась. Кофе не только пробуждал, он давал ей уверенность в наступающем дне. Она совсем недавно вновь пристрастилась к этому напитку, маленький утренний ритуал успокаивал и вдохновлял на трудовую и повседневную суету. Эта страсть, зависимость, как Ирина с удовольствием ее называла, была ее единственным грехом, но грехом, помогающим забыть горе. Она открывала пакет кофе, вдыхала аромат молотых зерен, ставила турку, наливала воды... Иногда пробовала разнообразить напиток и готовила его по рецептам разных стран. Ей нравилось поджаривать сахар в кастрюле, когда он начал плавиться, словно лед, превращающийся в воду, а потом желтел, и начинало пахнуть жженым сахаром. Когда она готовила такой кофе, то никуда не ехала на машине, потому что эффект от него был сродни двум бокалам хорошего вина – от него приятно кружилась голова и появлялось ощущение легкого полета.

На втором этаже слышались шаги Наташи, которая ходила из ванной в комнату, из комнаты в ванную, и все это (Ирина улыбнулась) на носочках и с поворотами и взмахами рук, будто она плывет, а не ходит. Наташа всегда отличалась раздражительностью и хрупким здоровьем, и мама считала, что причина этому – постоянная суровая диета, которой истощала себя девочка. Но в то же время на щеках ее играл лег-

кий и здоровый румянец, каскад темных блестящих крепких волос, стянутых в строгий хвост, доставал ей до ягодниц, и, когда она резко поворачивалась, волосы сочной волной разлетались по воздуху, и Ирина не раз замечала в глазах окружающих мужчин восхищение. Но Наташа была равнодушна к мужскому полу, она была слишком увлечена танцами и учебой, чтобы тратить время на ранние романы.

Девятый час. Ирина поставила чашку на блюде и поднялась к кастрюле с кашей, пыхтевшей на плите. Послышались торопливые шаги. Наташа всегда слетала вниз, так быстро перебирая ногами, что напоминала Джульетту в исполнении Улановой, столько волнения и тревоги, столько врожденной грации было в девочке, спускавшейся с лестницы. В декабре дочь выиграла конкурс и теперь готовилась к первому в своей жизни серьезному спектаклю. И хотя было заранее понятно, что девочка вряд ли станцует партию Жизели, она была пятой в очереди на замену главной исполнительницы Стаси Воиной, и сейчас Наташа добросовестно разучивала партию.

Не раз она признавалась маме, что с большим удовольствием станцевала бы в любом другом спектакле – мрачная история Жизели ей была не по душе. Но возможность была единственной, и Наташа уцепилась за нее, побеждая трудолюбием и рвением то, к чему у нее не лежало сердце.

Девочка подскочила к маме и красиво забросила руки ей на шею. Глядя на ее личико, Ирина вдруг подумала, что так

обычно обнимают героев-любовников в фильмах. Ей вспомнился момент из «Унесенных ветром», и она улыбнулась, целуя ребенка в нос.

– А Саша?

– Спит, – Наташа села за стол и взяла стакан с кефиром.

Ирина вышла в коридор и как обычно крикнула, что они садятся завтракать, и если он не спустится, будет завтракать в одиночестве и после мыть посуду. Саша что-то пробурчал в ответ, и женская половина дома приступила к завтраку.

Ирина выключила радио.

– Что тебе снилось? – спросила Ирина, отрезая сыр тонким ножом. Наташа улыбнулась и запихнула в рот ложку с кашей.

– Опять снилось, что я вышла на сцену, забыв причесаться и в каком-то немыслимом костюме. Вроде как торопилась и не успела загримироваться, чувствовала себя ужасно, но потом партнер меня не подвел, и мы все станцевали. А тебе?

Ирина вспомнила интерьеры в своем сне: прозрачные стены, через которые были видны другие комнаты, люди, которые, как и она, были заключены в ледяном плену. Она касалась холодных стен, шла вдоль них, под теплом ее ладоней стены таяли, но не настолько, чтобы пропустить ее в соседние комнаты. Кто-то из заключенных обреченно сидел на полу и пытался согреться, кто-то учащенно дышал на стену, пытаясь проделать в ней отверстие, кто-то бился, кто-то кри-

чал. Ирина не спешила освобождаться, ей некуда было идти. Она понимала, что, даже проломив стену, она лишь окажется в соседней камере, и это ничего не даст ни ей, ни тому, кто заключен там. Неожиданно она услышала голос Андрея, своего мужа, и рванулась к стене, возле которой он стоял. У них появился смысл бороться со льдом – они хотели быть вместе. Оба начали растапливать лед, как могли, но стены становились только толще, и им было все хуже видно друг друга. Соседние стены таяли, а стена, разделяющая ее с мужем, становилась все толще. Наконец Ирина оказалась окружена людьми из соседних камер, а мужа уже даже не было видно за толстой глыбой льда...

После этого сна ей снились другие, более веселые, и Ирина пересказала их Наташе, не обмолвившись и словом о том, что ей снился Андрей.

Со второго этажа с грохотом спустился сонный и злой Саша. Он всегда был мрачным по утрам, в семье уже к этому привыкли и терпеливо ждали, когда он позавтракает и придет в себя после ночи. Он начал ворчать сразу, как только вошел: почему его не разбудили раньше, зачем Наташка каждое утро врывается к нему в комнату, он имеет право просыпаться по-своему, а эту кашу вообще не любит, давно просит у мамы сырники, но из-за сестры вынужден есть только каши, а с его мнением вообще не считаются, и вот даже кошка спит на его стуле, он не пьет кефир и по утрам мало ест, почему чай остыл, зачем в такую маленькую чашку налили...

Наташа и мама слушали эту тираду, они знали, пока он не выговорится, не успокоится. Ирина закончила есть, налила себе и Наташе чаю, дала распоряжения детям по поводу дел, которыми они должны были заняться в ее отсутствие, и отправилась наверх переодеваться.

Она поднялась в спальню и достала из шкафа брюки и блузку. Вытащила большой пакет, где лежали папки с документами, и тяжело вздохнула – ей не нравилась вся эта бумажная волокита, но дела нужно было делать, иначе со временем все эти проблемы только усугубятся.

Она моталась между Москвой и загородным домом, собирая бесконечные справки и свидетельства, чтобы оформить участок, дом, квартиру и все остальное имущество, – наследственное дело, которому не было ни конца ни края.

Ирина открыла гараж и села за руль машины. На мгновение возникло странное ощущение – казалось, в это утро что-то изменилось во всех предметах, что ее окружали, но она тут же прогнала эту мысль прочь: такое уже случалось с ней в минуты беспокойства.

Ключ зажигания скользнул из рук, но она успела поймать его за брелок. Серебристый значок «Ауди» сверкнул в полумраке салона. Ирина снова попыталась сосредоточиться. Предстояла всего лишь пустячная поездка в город – не более десяти-пятнадцати минут в пути, но иногда страх перед железным конем накатывал так неожиданно, что ей с трудом удавалось взять себя в руки.

Она выехала из гаража, закрыла его, вышла через крыльцо, открыла ворота участка и снова села в машину. Автомобиль, покачиваясь в стаявшей колее, выехал за участок.

В дороге Ирина всегда включала радио – было невыносимо ехать в тишине наедине с тяжелыми мыслями. Она находила веселую быструю музыку и мчалась по дороге, подпевая знакомым песням. Но пока ехала по заснеженному поселку, ей казалось, что ее ночной сон существует среди этих покрытых по-весеннему ноздреватым снегом деревьев и безжизненных домов, брошенных хозяевами до летнего сезона. Мысли об Андрее становились все навязчивей, и она уже слабо сопротивлялась им, желая снова ощутить знакомую горечь и боль в груди, которые всегда появлялись при воспоминаниях о нем.

А этот солнечный весенний день был так похож на тот воскресный январский, когда температура поднялась до нуля, солнце грело с необыкновенной щедростью, и они решили пойти всей семьей в парк возле дома. Дети и Андрей взяли лыжи, Ирина не захотела в тот день кататься: несмотря на яркое солнце и легкий воздух, на душе было тяжело. Она плохо спала всю ночь, постоянно просыпаясь от неприятных видений, сменявших друг друга в бесконечной круговерти, от которой кружилась голова, даже когда она просыпалась и смотрела в темноту. Утренний душ ее немного взбодрил, а когда она вышла из ванной, ее ждал знаменитый кофе, который умел готовить только ее муж.

Она познакомилась с ним во время своей спонтанной поездки в Аргентину. Они с Андреем ехали в группе русских любителей танго, которые решились отправиться на родину страстного танца и научиться премудростям и приемам непосредственно у аргентинцев. Для Ирины это была авантюра, поскольку именно тогда она впервые приняла мгновенное, необдуманное и не взвешенное как следует решение ехать, несмотря на учебу, работу и другие планы. Дни и ночи проходили в танцах и прогулках, но Ирина и Андрей практически не общались: во время танго разговаривать не принято, а во время прогулок каждый шел в свою компанию. Рано утром, пока все спали после ночи танцев, Ирина поднималась и гуляла по утреннему полупустому центру Буэнос-Айреса, разглядывая витрины и рассматривая людей на улицах. Ей нравилось одиночество, она упивалась им как редким напитком и всякий раз думала, насколько отличается ее самоощущение здесь от самоощущения в Москве. Словно она сбросила с себя задубевшую кожу или кокон и явилась всему миру бабочкой, легкой и свободной. Она шла и улыбалась прохожим просто потому, что ей хотелось, чтобы они знали: она счастлива. Потом садилась в кафе рядом с гостиницей, пила кофе с шоколадными пончиками и радовалась тому, что ее не мучают угрызения совести по поводу поглощаемых калорий. Она как раз впилась в горячий пончик, когда кто-то отодвинул стул возле ее столика и спросил:

– Можно присесть?

Ирина подняла глаза и увидела Андрея. Торопливо откусывая пончик и проклиная себя за то, что измазалась вся шоколадом, она утвердительно кивнула. В это время Андрею принесли меню, и пока он забирал его у официанта, Ирина успела вытереть шоколадные разводы на лице. Она была крайне недовольна таким внезапным вмешательством в ее утреннее одиночество, но никоим образом это не показала и, мило улыбнувшись Андрею, спросила, что подняло его так рано.

– А я, как и ты, жаворонок. А запах кофе манит меня сюда каждое утро.

Андрей радостно кивнул официанту и вдохнул аромат горячего напитка.

– Божественно! – протянул он, мечтательно улыбаясь.

– Да, здесь и в самом деле кофе какой-то особенный. Не знаю, в чем секрет, но я больше нигде такого ароматного не пробовала...

– У бариста должен быть секрет приготовления... – Андрей на мгновение задумался, сделал глоток и посмотрел на Ирину. – Пойду спрошу, в чем этот секрет состоит...

– Думаешь, он скажет тебе?

– Скажет, – улыбнулся Андрей. Ирина хотела еще что-то добавить, но он уже поднялся и подошел к официанту. Поговорив, отправился вслед за ним в кухню, но перед тем как скрыться, повернулся к Ирине и подмигнул ей. Ирина опешила, но продолжала с любопытством ждать результатов

разведки.

Андрей вернулся минут через семь, с таинственным видом убирая записную книжку в карман, сел рядом с Ириной и многозначительно помешал ложкой в чашке, сделав глоток.

Ирина ждала его комментария, но он молчал, и она, не выдержав, спросила:

– Ну и?

Андрей поднял на нее смеющиеся глаза и, чтобы не улыбнуться, поднес ко рту чашку. Она только сейчас заметила, какие у него красивые глаза: синие, как васильки.

– Я взял рецепт, – сказал он.

– И в чем же секрет бариста? Мне тоже хотелось бы научиться готовить такой кофе.

Она уже ругала себя за это любопытство, но желание увезти с собой секрет было сильнее стеснения. Андрей поставил пустую чашку на блюдце и, повернувшись к Ирине, сказал:

– Тебе вовсе не обязательно знать, как его готовить, я это буду делать для тебя каждое утро.

Ирина замерла, растерянно подбирая подходящую реакцию на подобную реплику, но достойного ответа не нашла и просто улыбнулась.

– Не думала, что ты такой самонадеянный, – сказала она и поднялась. Он тоже встал, оставив щедрые чаевые для официанта, и они вместе вышли из кафе.

Два месяца спустя Андрей впервые приготовил ей тот са-

мый волшебный кофе. Когда они поженились, он уходил на работу раньше нее, и Ирина ждала выходных, чтобы вновь вернуть себе ощущение того аргентинского утра. Как она ни просила его открыть секрет, Андрей отказывался, оправдывая себя тем, что не делает этого из суеверия, потому что именно этот рецепт помог ему познакомиться с ней.

В то январское утро (как обычно пишут в бульварных газетах или в начале романов, «в то утро ничто не предвещало беды») кофе ждал ее на кухне, Ирина, завернувшись в махровый халат, села на стул и с блаженством вдохнула знакомый аромат. Она пила и наблюдала за Андреем и детьми, вместе готовящими завтрак.

Ирина окинула взглядом их просторную кухню и потянулась. Андрей был преуспевающим бизнесменом и недостаток в средствах не испытывал. До того, как они поженились, они жили в его двушке в центре города, потом купили большую квартиру на севере Москвы. Обстановкой занимались, ориентируясь на будущее потомство, оба очень хотели детей. Ирина спокойно уходила в декрет, изредка приезжая на работу, чтобы отдать документы или сдать отчеты, там ее ценили и давали возможность работать на дому.

Их семейная жизнь была полна света, как и их дом. Окна выходили на восток и юг, сквозь тонкие занавеси по утрам всегда светило солнце, и все, за исключением разве что Саши, вставали рано. Выходные проводили вместе, дети не отходили от Андрея, вместе с ним готовили, гуляли, делали

уроки. Наташа давала небольшие представления, и родители восхищались ее прекрасной осанкой и грацией, словно не верили, что она их творение.

Они вышли из дома, шумно и весело дошли до парка, Андрей и Саша надели лыжи сами, Ирина помогла Наташе и пошла рядом с лыжней. С елей осыпался снег, в парке было свежо и чисто, народу было мало.

Ирина шла рядом с Наташей, подбрасывая пушистый снег ногой, чувство бытия переполняло ее, как будто она проснулась ото сна и теперь находилась в реальном мире. Проблемы, воспоминания, планы не мучили, она жила прекрасным моментом, голосами близких, чириканьем птичек, далекими звуками дороги, по которой неслись машины. Из мира суеты они ушли в таинственный мир тишины и покоя, и Ирина чувствовала полноту каждой секунды, насыщенность минут и бесценность часов, что они провели на прогулке.

Возвращались румяные и уставшие, но бесконечно счастливые и довольные. Все негативные пустые мысли остались в парке, запутались на ветках елей, зацепившись за иголки.

После обеда Андрей решил съездить с Сашей в магазин техники и купить ему плеер и наушники. Они уехали, а Наташа и Ирина остались дома смотреть фильм. Забравшись на кресло с ногами, грея руки о чашку чая, в котором перевернутой лодочкой плавал лимон, Ирина наблюдала за красивой историей любви и понимала, что переполнена счастьем.

Резкий телефонный звонок не сразу отвлек ее от созерцания себя самой. С того момента она стала бояться и телефонных звонков.

Андрей и Саша попали в аварию – внезапно их занесло на дороге, и, столкнувшись с небольшим грузовиком, они вылетели в кювет. Машина несколько раз перевернулась. Врачи утверждали: это чудо, что Саша остался жив и получил лишь ссадины и порезы. Андрей погиб на месте еще до приезда врачей. Сидя в коридоре больницы, Ирина ощутила страшный холод, который сковал ее и не выпускал из цепких объятий. Казалось, она стояла посреди того ледяного шоссе голая, брошенная, и на нее неслась машина, за рулем которой ее муж тщетно старался выровнять непослушный автомобиль.

Передние колеса повело вправо, и Ирина, очнувшись от воспоминаний, успела выправить ситуацию. Потом сделала музыку громче, но прошлое не желало отступать. Она вспомнила свое возвращение в дом, вдруг ставший пустым и мрачным, и не могла, все не могла поверить, хотя на ее руке и рыдала Наташа, что он сюда больше не вернется. Что сегодняшнее утро было последним, что радость этих лет закончилась, как яркий сон.

Она поверила потом, когда на руках оказалось свидетельство о смерти, и позже, когда смерть Андрея шагала рядом с ней за его гробом, отвратительная, мерзкая, холодная

смерть, которая пришла посмотреть, как Ирина будет хоронить свое счастье.

Ирина не понимала, не могла осознать трезво, спокойно и разумно свою потерю. Все, что было: слезы, крики, молчание, отупение, холодное спокойствие, слабость в ногах – все это было лишь чувствами, эмоциями. В то время ей казалось, что должен существовать некто, виновный в ее потере. И хотя экспертиза доказала, что это был несчастный случай, Ирина долго сомневалась, настолько, что доводила Сашу до слез расспросами о последних мгновениях той роковой поездки в магазин. Саша и без того чувствовал себя виноватым в гибели отца, ведь если бы не его спешка получить плеер, все могло бы быть иначе.

Ирина была жестока. Ярость от того, что они не заслужили подобное, вселила в сердце зависть к тем, кто приходил с заболеваниями, глухая злоба клокотала в сердце, и она душила ее в себе усилиями, достойными титана. И все же, когда они оставались втроем, раздражение вырывалось наружу, и Наташа с Сашей с трудом могли понять свою маму, всегда такую спокойную, когда она фурией носилась по квартире, разговаривая сама с собой.

Она говорила с ним. Упреки, обвинения, мольбы сыпались одно за другим, падая в тишину, которая всасывала их, жадно поглощая. Слова не звенели в пустоте, они сразу исчезали, едва успевая сорваться с губ, Ирина сама не слышала, что говорила.

Иногда она пугалась слов, что вдруг доходили до ее сознания. Те слова, что вылетали у нее изо рта, были не теми, что она хотела сказать. Вслух она ругала Андрея, проклинала его, клокотала от злобы и ненависти, но мысли ее были другими – она звала его, умоляла вернуться, просила чуда, ласкала нежными мягкими словами.

Чуда не было.

Иногда ей снилось, что он не умер, или умер, но гроб откопали, и оказалось, что он спал, и все они снова были счастливы. Андрей был, правда, молчалив и печален, но это лишь потому, что еще не успел прийти в себя после летаргического сна, думала Ирина. Он всегда воскресал в ее снах, и она была снова и снова счастлива, не понимая, что сама себя обманывает. Ей хотелось уснуть надолго, дольше, чем на ночь, чтобы продлить душевное спокойствие, которое было возможно только рядом с ним.

Ирина сердито захлопнула дверь машины и, скрестив руки на руле, положила на них голову. Не получилось! Опять! Опять проблемы, снова нотариус, справки, заявления, свидетельства... Сколько можно? У нее складывалось впечатление, что кто-то нарочно мешает ей оформить наследство на дом и участок, потому что с квартирой и банковскими счетами у нее проблем не возникало. На нее сейчас смотрели как на преступницу и вора, хотя она пришла с документами и справками.

А ведь она считала, что собрала все, что просили, надеялась, что дело продвинется хоть немного. Не получается. У нее ничего не получается. Она привыкла жить с Андреем как за каменной стеной, позволяя ему самому справляться с документами и делами, не задумываясь ни о чем. А теперь как обухом по голове – «нам нужен другой вид справки», «здесь не поставлена печать нотариуса», «сделайте выписку из Государственного реестра», «возьмите справку из ЗАГСа», «вам нужно сделать съемку участка» и т. д. И каждый раз, вместо того чтобы принять ее документы, они придумывают новую причину, чтобы послать в другие конторы, заставить бегать, собирать справки, и при этом смотрят так странно, будто она прокаженная.

– Да сколько же это может продолжаться?! – взвыла она вдруг в тишине салона. Несколько раз ударила по рулю в бессильной ярости. Едва найденное этим утром равновесие полетело в тартарары. Стало еще хуже, чем было. Она заплакала. Бессильная злость и ненависть выжигали все в душе.

Заведя машину, Ирина выехала со двора на дорогу. Наверно, надо было согласиться на предложение комендантши их дачного кооператива, которая работала там с незапамятных времен, еще до того, как ее муж стал председателем кооператива. После гибели Андрея она подошла к Ирине и предложила помочь с наследственными делами, но Ирина тогда еще не понимала всех сложностей процесса и отказалась от помощи, несмотря на то, что комендантша ее пре-

дупредила о трудностях. Трудности! Да это просто тупость и дикое упрямство чиновников, какое-то нечеловеческое отношение к людям и трепетное обожание всевозможных бумажек и справочек.

Трудности!

Трудности были в ее жизни. Она оказалась одна с двумя детьми перед бюрократическим аппаратом, перемалывающим жизни сотен таких же, как она, ежедневно. Она была одна, спала одна, думала и заботилась о семье одна...

«Как ты посмел уйти от нас!» – Ирина вздрогнула, услышав собственный голос, и очнулась. Она уже въезжала в поселок, но не помнила дороги обратно.

В этот момент зазвонил мобильный. Ирина нажала на прием звонка, и приятный нежный голос полился по салону:

– Добрый день, Ирина. С вами говорит Кира Стрельцова из адвокатской конторы «Кира и Ко». Со мной связались ваши друзья, сказали, вы ищите адвоката для решения наследственных дел. Готова вам помочь.

Глава 2

Наташа соврала маме. Во сне она видела вовсе не выступление на сцене. Вот уже много ночей подряд ей снился один и тот же сладостный сон.

То ли подростковый возраст с половым созреванием, то ли внезапная потеря мужского авторитета и опоры в семье – только Наташа с замиранием сердца стала прислушиваться к голосам мужчин, анализировала их фигуры, отношение к ней, поведение, надежность и даже привлекательность. И беспокойство понемногу стало частью ее бытия. Она мечтала о любви и серьезном романе. Ее не привлекали бесполезные свидания и ненадежные ребята, она искала кого-то одного на всю жизнь. И была уверена, что найдет.

Она была умной девочкой и понимала, почему ей нужен мужчина. Не для любопытства вроде «а что это такое секс – слово, произносимое шепотом или нарочито гордо?», не для демонстрации своего взросления: «Ленка уже целуется вза-сос, чем я хуже?», – а для обретения душевного мира, поколебленного после гибели папы. Ей нужен был мужчина, который возьмет на себя заботу о ней, закроет ее от тягот и невзгод, и она сможет расцвести и расправить крылья. Ей хотелось любви.

В школе она смотреть не могла на ребят вокруг себя – они казались ей не доросшими до звания мужчины карликами,

которые через поглощение алкоголя и курение пытались вырасти в глазах девчонок. Наташа на подобные фокусы не покупалась.

Дима Межев сходил по ней с ума. Так говорила вся школа. Он плакал возле ее подъезда, писал ей на асфальте признания, звонил несколько раз на дню. Наташа оставалась непреклонной, хоть ей и было жаль Димку – он был хорошим мальчиком, но, увы, мальчиком, а ей нужен был мужчина.

Мама не могла понять жестокости дочери по отношению к однокласснику. Мама много чего не может понять, она тоже потерялась в мире после смерти папы.

Наташа мечтала станцевать Джульетту. Не Жизель, умирающую от горя и слабости, а Джульетту, приносящую свою жизнь на алтарь любви. Действие, решительность, стремление быть с любимым любой ценой – Наташа была уверена, что сможет как никто выразить это в танце.

Она часами репетировала в большом зале на третьем этаже их дома, где отец поставил зеркальную стену. Она настолько уходила в балет и учебу, что потеряла былой контакт с Сашей.

Раньше они часами болтали вдвоем, даже когда она занималась у станка. Придумывали различных героев, болтали за них не переставая, разыгрывая самые разные ситуации. Ни Наташа, ни Саша не нуждались в друзьях, потому что в семье находили все, что было необходимо.

Теперь Наташа не знала о своем брате ничего. Он стал для нее отстраненной фигурой, и ей еще больше хотелось мужского участия и любви.

Она не рассказывала маме, но в последнее время ей стал сниться один мужчина. Его лица она не видела, он всегда был в полутьме, но Наташа могла поделиться с ним чем угодно, он всегда ее понимал. Наташе было почему-то стыдно рассказать маме о незнакомце, да и потом, она боялась, что если расскажет, он больше не придет.

Наташа придумывала простенькие сны, рассказывала о них маме и в нетерпении шла спать, предчувствуя скорую встречу. Образ незнакомца манил, она окружила его своими фантазиями, в ореоле которых он становился все ближе и все милее.

Она помнила их первую встречу.

Она уснула после скучных посиделок в школе на восьмое марта, на тумбочке стояли подаренные Димой белые розы.

Он пришел во сне, шагнул к ее кровати от окна и решительно смахнул вазу с цветами. Розы и ваза бесшумно упали на пол. Наташа смотрела на него без страха, с любопытством. Она видела этого мужчину впервые. Он был сильным, большим, его темная фигура источала вселенскую тьму. Он решительно схватил ее за плечи, погладил по шее и наклонился, чтобы поцеловать.

Наташа отстранила его.

– Кто ты?

Он замер. Потом в темноте и звенящей тишине прозвучал его мягкий голос:

– Почему ты не спишь?

– А почему ты смахнул цветы?

– Потому что тебе не нравится этот мальчик.

– Ты прав. Откуда ты это знаешь?

– Знаю.

Она приподнялась на локте. Его лица все равно не было видно, только угадывался широкий лоб и мягкие губы.

– Ты на самом деле существуешь?

– Я только твое сновидение, конечно.

Он показался ей расстроенным. Она коснулась его теплой руки.

– Тебе грустно?

– Нет. Мне хорошо.

– Почему ты хотел поцеловать меня?

– Ты мне нравишься.

– Ты же меня никогда не видел!

Незнакомец смутился.

– Мне пора, – наконец произнес он.

– Ты можешь вернуться, когда тебе станет грустно, – сказала Наташа.

– Если я вернусь, тогда грустно будет тебе.

Когда он вернулся, она ждала его. Они снова говорили. Обо всем на свете, как раньше она разговаривала с папой

или братом. Им было не скучно. Они встречались в разных снах, он то спасал ее, то развлекал, то смешил. Они сближались.

Наташа стала думать о своих сновидениях дни напролет, мечтая встретить такого мужчину наяву. И она очень скоро захотела, чтобы он поцеловал ее. Но он словно не угадывал в ее молящем взгляде этой просьбы. И оттого Наташа жаждала его поцелуя с каждым днем все сильнее.

А он по-своему любил ее, поэтому не хотел причинять вреда своим поцелуем. Он знал, что если поцелует эту милую, добрую, открытую девочку, то сломает. Их отношения были для него странными, он никогда не слышал, чтобы кто-либо еще из его расы привязывался к человеку. Он боялся, что об этом узнают и причинят Наташе боль.

Однажды она отвела его на третий этаж и станцевала перед ним фрагмент из партии Жизели. Тонкая девочка в белой ночной рубашке, окутанная лунным сиянием, и правда была похожа на призрак. И он решил, что сделает все, чтобы она попала на сцену.

Адвокат приехала вовремя. Кира оказалась молодой и привлекательной брюнеткой с глазами разного цвета: один был голубым, другой зеленым.

– Я приношу удачу, – пошутила Кира. Видимо, не в первый раз на нее при знакомстве смотрят так ошарашенно.

– Простите, – Ирина от неловкости не знала, куда девать-

ся.

Но Кира мягко улыбнулась и взяла ее руку в свои ладони.
– Со мной вам не о чем беспокоиться, Ирина.

Она спокойно сидела за кухонным столом и изучала документы. Когда Ирина пригласила ее на обед, поблагодарила и осталась. Потом они пили чай вдвоем на кухне, и Кира объяснила ей стратегию дальнейших действий. Ирина с облегчением понимала, что адвокат возьмет на себя большую часть работы. А запросила она сумму настолько скромную, что вдова даже удивилась.

Впрочем, похоже, что Кира просто прониклась историей Ирины. Скоро обе женщины расслабились и болтали как подруги.

Ирина вскользь упомянула, что сегодня, задумавшись за рулем, отвлеклась от дороги и не помнит, как доехала до дома. Кира спросила, снятся ли ей кошмары. Ирина подумала, что ледяной сон с Андреем можно расценить как кошмар.

– О, тогда тебе повезло, я как раз сегодня купила один травяной сбор, который мне очень помогает, – Кира порылась в сумке и извлекла пакетик с сухой мелко порубленной травой и разноцветными лепестками цветов. – Вот увидишь, проснешься отдохнувшая, и внимание будет лучше.

Она щедро отсыпала Ирине половину пакета, рассказала, сколько заваривать, забрала документы и уехала.

День катился к вечеру.

Ирина закончила домашние дела, сделала начатый вчера отчет и заварила себе на ночь новый чай. Ложась в постель, она подумала, что такой расслабленной и легкой она себя не чувствовала уже очень давно.

Ирина провалилась в глубокий сон без сновидений. А когда открыла глаза, все еще была ночь. Окно было открыто нараспашку, холодный воздух гулял по комнате. Она встала, чтобы закрыть его, и испуганно замерла: на подоконнике, положив ногу на ногу, сидела голая Кира. Ее разноцветные глаза слегка светились в темноте.

Ирина замерла в испуге. Кира легко соскочила с подоконника и, не касаясь ногами пола, подошла к ней.

– Я тебе кое-что покажу, – сказала она. – Сегодня как раз полнолуние.

Она схватила Ирину за руку, потянула за собой, и Ирина к своему восторгу и изумлению поплыла по воздуху вслед за Кирой. Вдвоем они вылетели из окна.

– Постой, но как такое возможно?

– Это же сон, здесь возможно все, – улыбнулась Кира.

Они летели над поселком, Ирина совсем не чувствовала холода. Вытянув вперед руки, она увидела, как кожа при свете луны мерцает, будто снег.

– Все уже собрались, – заметила Кира, когда они летели над лесом.

Кто эти все, Ирина не знала. Восторг от полета занимал ее

куда больше мысли о том, куда они летят. Кира начала снижаться, внизу Ирина увидела озеро, покрытое льдом. Они встали посередине. Она видела, как снег кружится у ее ног, чувствовала лед под ногами, но холода не было.

Кира хищно улыбнулась, ее глаза – синий и зеленый – засияли ярче, губы вдруг налились алым цветом.

Вот они стоят вдвоем на пустом озере. И вот мгновение спустя оказалось, что все пространство вокруг заполнено странными существами, которые приветствовали Ирину как старую знакомую, она только успевала кивать головой. Длинный костлявый призрак, чье лицо было похоже на вытянутый человеческий череп, обтянутый кожей, пролетел мимо. На лице у него крест-накрест лежали две черные тонкие повязки, пересекаясь на носу. Он пронесся с воем и криками, она едва успела отскочить в сторону. Вслед за ним на огромных драконах, чьи хищные пасти пугали даже звезды, мелькнули обнаженные дамы. Драконы были двухговыми и смотрели в разные стороны, на дамах кроме браслетов и ожерелий ничего не было. Они все исчезли так же быстро, как и появились, через мгновение Ирина засомневалась, что видела их на самом деле.

Огромное количество людей с крыльями и хвостами, рогами и странными глазами – она не успевала поражаться богатству своего воображения.

– Демоны и шайтаны! Инкубы и прочие твари! – Кира вышла вперед, луна освещала ее голое красивое тело, все сбо-

рище завывало, залаяло, засвистело, закричало, одобрительно ее приветствуя. – Я, Кали, гнев и возмездие вашего Темного Повелителя, представляю вашу будущую королеву!

И, к огромному удивлению Ирины, Кира повернулась и показала на нее.

Все собрание взвыло в истерии торжества. Драконы пыхнули огнем на лед, он треснул, и все они провалились в воду. Только вместо холода Ирина ощутила жар, словно под коркой льда были горячие источники. Запахло серой, вода практически кипела вокруг от всевозможных созданий, которых порождало и порождало ее воображение.

Она барахталась и крутила головой в поисках Киры, но той уже не было. Из воды прямо перед ней вылетел огромный и длинный чешуйчатый змей, он задел бы ее хвостом, если бы сильная рука не схватила ее за плечо и не оттащила в сторону.

Бултыхаясь в горячей воде, Ирина обернулась. Это был мужчина, его рука еще лежала на ее мерцающем плече. Он скользнул по ее руке и сжал пальцы.

– Следуй за мной.

Он потянул ее за собой, на берег, где все было в цветах, желтых и белых, Ирина не успела даже подивиться тому, что уже сошел снег. Вокруг происходила оргия. Женские, мужские тела вперемешку совокуплялись друг с другом. Прекрасные тела, заметила Ирина. Будто на съемках порнофиль-

ма. Столько поз и сладострастия кругом, куда ни глянь, ритмично двигаются тела всех тонов и размеров, ягодички, руки, груди, лица, исступленные от страсти. Она повернулась к своему спутнику: он тоже был обнажен. По широкой груди и накачанному животу ползли капельки воды, теряясь в дорожке из волос, ведущей к его члену. Который стоял. Она повернулась к нему всем корпусом, не стесняясь разглядывала его, словно красивую статую, а потом протянула руку и повторила путь капель воды пальцами. Сомкнула пальцы вокруг его горячего члена. Потянула на себя. Он шагнул к ней. На лице его не выражалось никаких эмоций, казалось, он спокоен, хотя его тело говорило о противоположном.

«Какой странный сон», – Ирина возбуждалась все больше. Сцены похоти вокруг сводили с ума. Можно было подумать, что весь мир только и делает, что трахается в исступлении без остановки.

– Не опускайся до них.

Она повернулась на голос. В стороне, одетый в белые одежды, стоял самый красивый из всех мужчин, что она когда-либо видела. Она разжала руку и шагнула к нему. Что ей до всех остальных, если есть этот с глазами синими, как у ее мужа?

Она хотела спросить, кто он, но рот не открывался. Мужчина в белых одеждах провел пальцем по ее губам, и она почувствовала, как они приоткрылись.

– Кто ты?

– Ангел.

– А они? – она повернулась показать на своего спутника и увидела, как он, потеряв к ней интерес, подошел к паре: женщина сидела на мужчине, и пристроился к ней сзади. Та только застонала, когда он вошел в нее. Ирине стало противно.

– А они инкубы и суккубы. Демоны страсти. Умеют заниматься только этим.

Теперь, стоя рядом с ангелом, она почувствовала свою наготу и холод вокруг.

– Пойдем, – он взял ее за руку. – Я отведу тебя домой.

Ирина проснулась, когда солнце ярко освещало ее комнату.

Снег вокруг стремительно таял, звонкая капель с крыши напоминала музыку.

Она чувствовала себя отдохнувшей и легкой. День прошел замечательно: она даже нашла ошибку во вчерашнем отчете, сделала два новых, была быстра и ловка, не отвлекалась на тяжелые мысли. После обеда позвонила Кира и сообщила о первых шагах в качестве ее адвоката. Похоже, перед ней открывались закрытые для Ирины кабинеты, так быстро продвигалось дело.

Воодушевленная и счастливая, Ирина снова заварила себе на ночь травяного настоя.

Ночью она легко поднялась с кровати, сбросила с себя ночную рубашку, влезла на подоконник и открыла окно. Запахи ночи манили и звали. Она услышала шелест сотен крыльев. Отовсюду к дому слетались вороны. Облизнула пересохшие губы быстрым и резким движением. Почувствовала приятное возбуждение. Ей принадлежал весь мир, воздух, прохлада вечера. Она улавливала движения насекомых в темноте, видела их быстродвигающиеся крылья. Когда сова ухнула рядом с окном, она оттолкнулась ногами от подоконника и, перевернувшись в воздухе, приземлилась на четвереньки на землю.

Ветерок трепал ее волосы, которые теперь спускались до плеч. Она не думала о том, что делает, не чувствовала страха. Эта ночь принадлежала ей. Вороны облепили ее, каркая, поглаживая своими крыльями. Прямо от ног потянулась дорожка из распускающихся желтых цветов, похожих на кувшинки. Дорожка виляла и уходила прочь от дома.

Она никогда раньше не видела таких цветов: желтые, с острыми лепестками, которые раскрывались один за другим, и им не было конца, этим лепесткам. Она наступала на них, и лепестки хрустели под ногами и ломались, словно были сделаны из тонкого стекла. Ступни Ирины были покрыты порезами, но ей совершенно не было больно. На желтых разбитых цветах темнели пятна крови.

Следуя по дорожке из цветов, она шла на зов, который манил все дальше:

– Ты одна из нас! Ты одна из нас!

Подул ветер, он окутал ее тело серой пеленой, звезды усилили свой свет, и их серебряные лучи вплелись в эту облачность. Ирина почувствовала жжение в лопатках, казалось, кожу разрезало изнутри. Она согнулась, и позади нее распахнулись огромные черные крылья.

Не веря своим глазам, она гладила перышки на крыльях. Ну надо же...

– Лети! – шепот был нетерпеливым, зовущим.

Она взмахнула крыльями. Как это делается, надо разбежаться? подпрыгнуть?

Вороны вокруг нее стали взмывать вверх с громким карканьем, как будто показывая пример. И она повторила их взмахи, оттолкнулась, полетела...

Руками она гладила верхушки сосен, хватала за крылья филинов, то снижалась, то взмывала вверх... Она полетела через лес к озеру и долго гуляла по нему, слегка касаясь пальцами ног поверхности воды, заставляя ее расходиться кругами. Черные крылья рассекали воздух с шумом, она очень быстро научилась управлять ими. Чувствуя их за своими плечами, она ощущала, как ее наполняет дьявольское торжество, желание испытать свою силу, мощь, взмыть высоко, кувыркаться, падать и подниматься, кричать, хохотать, пугать прохожих, купаться в прохладном ночном воздухе.

Она собирала свет от звезд, который оказался жидким, как молоко, и разбрызгивала его повсюду, мазала свое тело,

и кожа принимала серебристый оттенок, и в ней, как в зеркале, отражались облака, сквозь которые светила луна. Ей хотелось подняться выше, в черную неизвестность, которая манила своей глубиной.

Выше... выше... добраться до тех, кто лишил ее любви всей жизни. Пovyдергать им перья из белых крыльев. Она злобно оскалилась на темное небо.

– Не давай злости поработить себя.

От неожиданности она камнем упала вниз, на землю. Поднялась и увидела ангела – его синие глаза и белые одежды выделялись среди ночной тьмы. Переливаясь от звездного сияния, она подошла к нему.

– Ты должна вернуться домой, – он протянул ей руку.

Но Ирина отступила.

– Мне нравится быть такой. И потом... это лишь сон.

Он покачал головой.

– Если они захватят твою душу, то сном может стать твоя реальность.

– Кто такие эти они? И кто такой ты? Как тебя зовут?

– Габриэль.

– У тебя глаза, как... – она пыталась вспомнить, кому еще принадлежали такие же синие глаза, но не могла.

– Вот видишь, – он покачал головой, – ты уже начала забывать.

Ирина проснулась рано: нужно было съездить в город. Де-

ти еще спали. Она быстро сварила себе кофе, отпила и поморщилась: напиток вдруг потерял вкус. Она потрясла баночку и принялась – кофе был, как обычно, ароматным. Она заново поставила на огонь турку. Но и на этот раз напиток не впечатлил.

«Ладно, может, выдохся, на обратном пути куплю новую пачку», – решила она.

Некстати вспомнилось, как недавно, разбирая вещи Андрея, она нашла его записную книжку, где был записан тот самый рецепт: «Кофе получится ароматным, если вместе с сахаром добавить немного любви к той женщине, для которой он готовится. Клади две-три щепотки своего сердца, добавь нежности по вкусу и, главное, не давай кофе убежать, помни, в нем заложена твоя любовь».

Может, мало она положила любви в кофе? Ирина улыбнулась.

Но в тот день практически вся пища не приносила ее вкусовым рецепторам удовольствия, казалась пресной и искусственной. И только вечером, когда она заварила себе травяного чая, Ирина с наслаждением перекатила на небе его цветочно-медовый вкус. Казалось, он стал даже вкуснее, чем был в первый вечер.

И вот в постели просыпается женщина с крыльями, черными как ночь. Она лениво потягивается, с кошачьей грацией поднимается и выпархивает в окно. Она слышит музыку

звезд, тихую, прекрасную мелодию. И крылья сами несут ее по ночному небу туда, где можно окунуться в воды ночного озера. Сложив крылья, падает в воду прямо с высоты, пронзает гладь спящего озера, выныривает и, отбросив назад отросшие волосы, с хохотом плещется, а наплававшись, гребет к берегу.

Выйдя из воды, она остановилась: на берегу ее ждала Кира.

– Вижу, ты уже освоилась с крыльями, моя будущая королева.

Голубой глаз Киры насмешливо сверкнул.

– Пришла пора пройти полное посвящение и перестать цепляться за земное тело.

Наташа лежала в постели уставшая: днем ездила на репетицию в город, занятие было таким напряженным и нервным, что все из-за этого плохо танцевали, и их гоняли туда-сюда, пока не стало получаться. Две девушки, стоящие впереди нее на замену, получили накануне травмы: одна поскользнулась на гололеде, когда шла вечером с репетиции, и до сих пор утверждала, что ее толкнули. Но вывих лодыжки надолго исключал из занятий, и ее сняли с замены. А вторая девушка и вовсе просто гуляла с собакой, и тут животное взвыло и помчалось на какого-то незнакомца. Девушка имела обыкновение наматывать поводок на руку, потому что пес никогда себе ничего подобного не позволял. И ее прота-

щилю по асфальту, она разбила губы, подбородок, потянула руку. Наташа травмам подруг рада не была, да и от заветной главной роли она все равно оставалась далеко. Но теперь она становилась третьей в очереди на замену. А это, по крайней мере, требует большой ответственности.

Она уже стала проваливаться в сон, как ощутила визит своего ночного гостя.

– Я уже сплю, – не открывая глаз, прошептала она.

– Хорошо, я полежу с тобой рядом.

Он залез к ней под одеяло и обнял. Наташа доверчиво прижалась щекой к его плечу. Он был обнажен, сердце ее взволнованно колотилось. Но усталость брала свое. Он гладил ее по спине, пока она не уснула. И только убедившись, что девушка спит глубоким сном, он приподнялся на локте, вглядываясь в ее черты, борясь с искушением прижаться к ее губам жадным поцелуем.

Он был демоном, инкубом, его главной пищей были желания спящих людей, которые он мог возбуждать одним прикосновением. Но Наташа была для него не источником пищи – он любил ее. Сам не мог объяснить, почему вдруг так проникся к этой девочке, которую не осмеливался целовать, даже погружая в глубокий сон. Она лежала беззащитная в его объятиях, и ему хотелось уничтожить всех, кто мог причинить ей боль. Он желал ее, но не решался, ему нравилось быть с ней и так. Вдыхать запах ее волос, обнимать ее, теплую, доверчивую, спящую.

За окном мелькнула тень, и инкуб напрягся. Его ноздри затрепетали, ловя новые запахи. Пахло опасностью, женщиной, птицами, водой из ночного озера.

Мягко отпустив Наташу, он накрыл ее одеялом и встал. Прислушался: где-то слышен смех, но он удаляется. Недолго думая, он вылетел из окна.

Над поляной и лесом носились тени. Он знал их: новые ведьмы набирали силу. Но почему они кружат здесь? Он принялся, из темных волос выросли мощные рога, закрученные в спираль. Теперь он тоже ощущает это. Дом фонит энергией. Неужели это его Наташа? Нет, не может быть. Девочка невинна и хрупка, как тонкий хрусталь. А значит, соседство с такой силой ставит под угрозу жизнь его маленькой танцовщицы. До этого он мало задумывался над тем, кто еще живет в доме. Его интересовала только Наташа. Но теперь он стал вспоминать, что она рассказывала ему о семье, пока он наслаждался ее теплом и нежным доверием, почти не слушая, что она шепчет. Отец умер. Он помнил, как она плакала, а он целовал ее соленые слезы, выпивая горький напиток ее бед, облегчая тем самым боль. Есть еще брат. Неужели он? Инкуб сжал кулаки. Надо добраться до мальчишки.

Саше было страшно. Он боялся жизни, боялся дневного света. Он торопил ночь, чтобы забыться в глубоком сне, где не было видений, была только темнота и тишина.

Любая вещь, звук, слово, событие, телодвижение могли напомнить ему об отце и обжечь чувством неугасаемой вины. Из-за него, из-за его каприза он погиб. Если бы можно было отмотать время назад... Саша сжимал с усилием кулаки: если б не ездить в тот день за покупкой, все обошлось бы, папа был бы жив, и все было бы как прежде...

Но едва он выныривал из иллюзии, как боль в трехкратно большем размере обрушивалась на него.

«Из-за тебя, – шептал тонкий предательский голосок. – Все это из-за тебя!»

Сколько раз, прокручивая в голове последние минуты, разговор с отцом, фары машин, слова песни, которая звучала по радио, Саша пытался понять одно: почему за мгновение до столкновения ему показалось, что на дороге стоят черные крылатые тени, а глаза их горят красным светом, как задние фары машин? Почему он никак не мог избавиться от ощущения, что там, на шоссе, был кто-то, кто все это подстроил специально? Кто-то, кому достаточно движения мысли, чтобы случилась катастрофа. Потом он, конечно, убеждал себя, что это бред. Легко спихнуть все на тени, а не на себя.

Сон был спасением. Во сне Саша забывал о боли, муках совести и потере. Он ничего не видел, проваливался в черноту забвения, а потом долго не мог вылезти из нее. Подъем становился тяжелее с каждым днем.

Сегодня сон не шел, Саша метался в кровати, сильная боль обручем сжимала голову. В какой-то момент он понял,

что в комнате есть кто-то еще. Возможно, это была галлюцинация из-за боли, но в лунном свете он увидел человека с большой головой, а потом, приглядевшись, понял, что у него большие, закрученные в спираль рога.

Человек включил ночник и сел на кровать к мальчику.

Саша хотел спросить, кто он, хотел позвать маму, но человек поднес палец к губам. Потом дотронулся до лба Саши.

– Болит? – сочувственно спросил он.

– Да, – хрипло ответил мальчик.

– Неудивительно, она уже большая. Размером с фасолину. Незнакомец положил ладонь на лоб Саши.

– Я заберу боль, но только на сегодня. Мне очень жаль, мальчик.

Боль прошла, Саша с облегчением откинулся на подушки.

– Спасибо! – горячо прошептал он.

Инкуб встал. Нет, это не мальчик. Но кто-то тянет из него силы, а потом примется и за Наташу. А ее инкуб не отдаст. Ни за что. Горечь от того, что его девочка вскоре потеряет и брата, обожгла демона. Как странно, что он, живущий похотью, вдруг стал испытывать такие необычные чувства. Преданность, любовь, верность, желание помочь и защитить. Но общение с девочкой – единственное, что вдруг стало придавать смысл жизни. Когда она танцевала для него, он чувствовал себя живым. Значимым. И это было очень приятное чувство. Но если это не дети, значит, это их мать.

Инкуб услышал хохот и обратился в ворона, вылетел

в окно и увидел прекрасное видение: женщина, облаченная в лунный свет и блеск звезд, с волосами до пояса, снижалась над поляной перед домом. У нее были огромные черные крылья, а вокруг летали вороны и нечисть. Как же она была хороша! Но от красоты этой веяло холодом и смертью. Белая дама. Даже он, инкуб, знал, что она такое. Ему не совладать с ней.

– Докажи, докажи, – шепот поднимался до черного неба, шептали сосны, трава, звезды. – Докажи, что ты готова, Ноктурна, преступи черту.

– Не делай того, о чем пожалеешь, – голос Габриэля раздался так близко, что она покрутила в растерянности головой.

Ангел стоял на крыше знакомого ей дома. Ее дома. Белое одеяние излучало свет. Белые крылья за спиной тоже, казалось, светились. Она была рада его видеть. В ней еще оставалась тяга к нему, чистая и непорочная, желание быть в его свете, прижаться к его ногам, вымаливать прощение за зло, которое, она знала, было неизбежно. Но одновременно с этим Ноктурна ненавидела это безмятежное лицо святого, не опечаленного страстями, не испорченного мучительными колебаниями. Для него в мире все было удивительно просто. Габриэль не желал понимать: то, что не свято, вовсе не обязательно плохо, что есть еще естественные потребности души и тела, нуждающиеся в удовлетворении. Ему это

было неведомо. Он и не подозревал, что обманывает самого себя. Невежество святого. Она набралась смелости и дерзко расхохоталась, глядя ему в лицо. Но ей стало так больно и одиноко, что она осеклась, испугавшись, что не выдержит и заплачет.

Он продолжал все так же безучастно смотреть на нее. Она с трудом заставила себя отвернуться. Как она хотела, чтобы он защитил ее, забрал оттуда! Но она не могла ему этого сказать, нет, она была слишком горда. Усилием воли сдерживала вопль отчаяния, готовый вырваться из груди: «Габриэль!!! Забери меня отсюда!!! Спаси меня, Габриэль!!!»

Габриэль! Его имя она готова была повторять снова и снова, ища в нем разгадку этого существа. Казалось, раскрой она смысл его имени, и обретет власть над ним.

Вопль вырвался из ее груди, протяжный и возмущенный. Нет, она докажет всем, что она сама себе хозяйка и вольна распоряжаться собой! Всем!

И она решительно влетела в окно своей спальни. Крылья тут же спрятались под кожу. В безумном желании разрушить все вокруг она смела рукой флаконы духов и косметику с комода. И после этого первого акта вандализма уже не могла остановиться: распахнула шкаф, рвала одежду с вешалок, вываливала ее на пол с полок, сорвала картину со стены и разломала раму. Она рычала от возбуждения. Движение, замеченное боковым зрением, привлекло ее внимание: там пробиралась через сброшенную одежду серая кошка.

Она схватила ее и, ослепленная внезапной волной ярости и злости, начала душить. Кошка смотрела на нее испуганными, неверящими глазами, ее язычок чуть высунулся из пасти. Когда же животное осознало, что это вовсе не игра и не шутка, оно начало сопротивляться, отчаянно борясь за жизнь. Когтями полосуюя руки хозяйки, она пыталась заставить отпустить ее. Тогда Ноктурна бросила ее на пол и начала топтать ногами так, что переломала ей все ребра и позвоночник. Хруст костей и вопли не останавливали ее. Она замерла, только когда увидела, что кошка больше не движется и из ее приоткрытой пасти вытекает тонкая струйка крови. Лишенное жизни животное теперь напоминало серую тряпку, и Ноктурна устало опустилась на колени рядом с ней.

– Ты пролила первую кровь.

Она оглянулась на голос: около кровати сгущалась тьма, жуткая и живая. Два глаза смотрели на нее из этой черноты.

– Ты инкуб? – спросила она демона, но тот отрицательно покачал головой.

Тогда ей стало страшно, потому что она внезапно ощутила его мощь и силу. Он надвинулся на нее, она испуганно попятилась, понимая, что у нее не хватит сил, чтобы распахнуть крылья и сбежать. Он взял ее за плечи, и она почувствовала себя пойманной бабочкой, которую вот-вот наколют на булавку и пришьют к бумаге. Из последних сил она уперлась руками в его мощную грудь. Он же схватил ее за волосы и начал тянуть назад, заставляя ее тело выгибаться. Она крича-

ла, не понимая, кто он и почему она бессильна.

Его рука, казавшаяся ей огромной лапой, погладила ее тело.

– Я тот, кто создал тебя и наделил силой, я твой хозяин, – услышала она, прежде чем он овладел ею, и лишилась чувств.

Инкуб контролировал сознание детей во сне, чтобы они не проснулись сначала от воплей кошки, а затем и от криков Ноктурны. Когда все было кончено, дом погрузился в страшную тишину. Необходимо было действовать быстро.

Он проник в память Наташи и вытащил оттуда сведения о Стасе Волиной. Хочет того Наташа или нет, но ей нужно оказаться как можно дальше от матери. И балет казался ему прекрасным способом достичь двух целей одновременно.

Ирина подскочила на постели в холодном поту. На улице уже светало. Спотыкаясь о раскиданные вещи, вышла в коридор, дошла до ванной и умылась, проводя мокрой рукой по шее и груди, чтобы смыть неприятное ощущение от сна. Она чувствовала себя усталой, опустошенной, измученной. Посмотрев на свое бледное отражение в зеркале, села на унитаз, все еще отирая лицо мокрой рукой. А когда встала, заметила кровь в воде. Тело и впрямь болело, было нехорошо.

Она вернулась в спальню и только сейчас осознала бардак, который в ней творился. Ночью здесь были воры, а она и не заметила? Глупость какая, она бы проснулась. И тут она

увидела серый хвост, выглядывающий из-под груды платьев. Приподняла одежду и еле сдержала вопль, увидев труп кошки.

Скорее надо все убрать, пока не проснулись дети.

Лихорадочно мечась, завернула кошку в какое-то платье, оделась, выбежала во двор, схватила лопату и пошла копать яму, молясь, чтобы земля не оказалась замерзшей. Но на улице царил весна: уже проросла трава через опрелые листья, почки на деревьях лопнули и появились листья. Похоронив кошку, Ирина в слезах вернулась в дом. Что-то подсказывало, что виновницей гибели животного была она сама. И ужас от того, что она не помнит, как это случилось, обжигал ее.

Наташе позвонили во время завтрака. Она побледнела, услышав новости о том, что Стася Волина ночью пыталась покончить с собой и находится сейчас в больнице. У девочки нервный срыв. Вторая балерина тоже разнервничалась, уверенная, что роль Жизели проклята и с ней тоже что-то случится. Она уступила первенство Наташе.

– Мне придется вернуться в Москву, мам, – Наташа торопилась допить чай. – На репетицию нужно ездить каждый день.

– Я отвезу тебя, мы с Сашей вернемся дня через три. Еще куча дел с бумагами, – Ирина машинально отвечала, размышляя о другом.

В Москве они закупили продуктов, Ирина приготовила

дочери суп и второе на несколько дней и, подбросив Наташу до метро, – ей нужно было на репетицию – уехала.

Ирина не сразу вернулась домой, а отправилась к врачу. Тот не нашел никаких нарушений, направил на анализы, прописал успокоительное.

По дороге на парковку она завернула к небольшой церкви.

Ирина редко заходила в храмы, но сегодня ей было необходимо почувствовать себя защищенной. На сердце было беспокойно. Она чувствовала, что в гибели кошки виновна она сама, и убийство камнем лежало на совести.

Купила свечку, подошла к иконе Богородицы, зажгла фитиль и со свечой в руке попыталась сосредоточиться на своих невеселых мыслях, прося защиты у Бога. Ирина всматривалась в отрешенный, печальный взгляд Марии, когда заметила, как из уголка ее глаза поползла темная слеза. Оставляя кровавый след на красочном слое, она стекла с иконы и упала на пол. Свеча в ее руке потухла. Ирина, дрожа от ужаса, метнулась к другой иконе, святому Николаю Чудотворцу, но и из его глаз полились кровавые слезы. Все свечи в храме погасли разом.

Глаза святых словно обжигали ее, принося боль и ужас. Она выбежала из храма. Долго хватала ртом воздух, приходя в себя. Потом, вспомнив, что рядом есть католический костел, неверным шагом отправилась туда. По дороге она пыталась найти разумное объяснение случившемуся: несомненно, во всем виноват этот чай, что она пьет. У нее просто гал-

люцификации, надо выкинуть оставшуюся смесь и попытаться успокоиться.

Костел из красного кирпича выглядел мрачно, но Ирина, преодолев страх, вошла внутрь. Играл орган. Здесь почти не было икон, и она приободрилась. Прошла поближе к алтарю и села на скамью. Какая разница, где молиться, если нужно обрести душевный покой?

Орган играл все громче и громче, Ирина беспокойно подняла голову. Воздух задрожал от очередного аккорда, оглушая прихожан. Люди поднялись со скамей, с беспокойством перешептываясь.

Органист в ужасе высунулся с балкона.

– Я не контролирую его!

Кто-то бросился к выходу, зажимая уши. Грохот стоял оглушительный, начали дрожать витражные окна.

Ирина медленно поднялась, и вопль органа, хрипящий и агрессивный, вынес стекла в храме. В ужасе она попятилась по проходу прочь, не сводя обезумевших глаз с алтаря: там стоял Габриэль с пылающим мечом в руке.

Понимая, что ей больше не войти ни в один храм, она бросилась бежать прочь.

Еще долго она сидела в машине, пытаясь унять дрожь в руках. Глядя на свои непривычно длинные белые пальцы, Ирина пыталась сообразить, кто она и что должна делать.

Потом медленно повернула ключ зажигания. Мотор завелся. Машина тронулась с места.

Дома Ирина выкинула в мусорное ведро оставшуюся смесь для вечернего чая, выпила успокоительного и не без содрогания вернулась в спальню. Проваливаясь в тяжелый сон, подумала, что надо сходить в парикмахерскую: волосы отросли вдруг слишком быстро.

Ноктурна очнулась с чувством странной тяжести. словно тело приковали к кровати. С трудом оторвав от подушки свинцовую голову, пьяно оглянулась вокруг. Качнувшись вперед, достала до подоконника и подтянулась, опираясь на него, к окну. Дотронулась ладонями до прохладного стекла. С трудом залезла на широкий подоконник и открыла окно. Ночь не читалась так ясно, как вчера. Ее взгляд с трудом улавливал движение птиц и насекомых, она не видела, как в чашечках манжеток блестят капельки росы.

«Тебе плохо... – едва различала она то приближающийся, то удаляющийся шепот, будто с ней говорили волны невидимого моря, набегающие и уходящие от берега. – Ты... не с нами... ты... слаба... Ноктурна!.. Ноктурна... правь сегодняшней ночью... он... придет за тобой!»

«Он!» – Ноктурна испугалась и попятилась внутрь комнаты, чтобы захлопнуть окно, но руки хозяина уже вырвали ее наружу. Он понес ее над землей и сбросил с высоты в озеро. Она вынырнула оттуда сильной и свежей, попыталась раскрыть крылья, но он остановил ее.

– Не надо, сегодня ночью я вожу тебя.

Он посадил ее себе на спину между двух огромных кожистых крыльев с когтями. Они помчались так быстро, что она пригнулась к его спине, и хотя он махал крыльями лениво и неторопливо, огни городов внизу пролетали как молнии, сменяя друг друга.

Коснувшись руками спины хозяина, она обнаружила, что тело его между крыльев и по хребту до шеи густо покрыто волосами и чешуйками. Он начал снижаться, и она, бросив взгляд вниз, увидела квадраты и не сразу поняла, что под ними плато Гиза. Они опустились на неровную поверхность пирамиды Хеопса. Ей показалось, они совсем одни. Хозяин сел на самую верхушку и, словно фантастическая гигантская горгулья, хищно свесился вниз, подняв наполовину сложенные крылья у себя над головой. Вдалеке Ноктурна разглядела огни Каира, и тоска по людям вдруг поднялась в ее душе удушливой волной, закружилась голова, и она была вынуждена сесть на камень, чтобы не упасть вниз.

– Смотри, – он простер руку, показывая ей открывающуюся панораму, – они спят, и мы властвуем над ними. Смотри, Ноктурна, ты была рождена и сотворена для этого мира. Чтобы подчинить его власти ночи и сна. Чтобы мы правили всеми.

Ноктурна знала, что это неизбежно, и когда он вновь потянул ее к себе, отозвалась покорно. Слияние с ним на этот раз наполнило ее яростью и ненавистью – жгучей и ядовитой смесью. От бешенства, от азарта, овладевшего ею, хотелось

рвать и уничтожить все вокруг.

– Преступи последнюю черту, – велел он ей.

В отчаянии она знала, что не сможет остановиться.

– Мама? – Саша, разбуженный шумом, вошел в комнату и включил свет.

Но в комнате посреди страшного бардака стояла не мама. Она была выше, белее, волосы опускались ниже бедер, кончики пальцев были золотистыми, на голове, острыми тонкими иглами стремясь вверх, была надета корона. Ткани, в которые она была завернута, были мерцающими и полупрозрачными. Ее глаза были слишком светлыми, а лицо, хоть и мамино, было не родным, а чужим, странным, иным.

– Иди сюда, мой хороший, – хищно оскалившись, пропела ведьма.

Саша попятился, золотые когти вцепились в его пижаму, он закричал.

– Посмотри мне в глаза, – мурлыкнула Ноктурна.

Свет ее глаз обжигал и мучил, от слишком яркого света он перестал видеть и, вырвавшись, побежал вслепую, ведя рукой вдоль стены, к лестнице.

Она гарпией налетела на него, вонзила когти в кожу, и мальчик закричал от боли, падая на пол.

Ноктурна быстро наелась, но вместе с насыщением пришло понимание содеянного. И то, что еще оставалось в ней

человеческого, пришло в ужас.

Она поднялась высоко над поселком, окруженном полями, над городом, который уже был освещен встающим солнцем и превращался в серые, страшные джунгли квадратов и прямоугольников крыш и лиан дорог. Она поднималась выше, в раздирающую грудь высоту, ей хотелось сгореть под солнцем, умереть здесь, в голубой выси, а не там, в грязном городе. Она испустила вопль, похожий на крик отчаяния, но это был вопль радости. Она знала, что больше не вернется в этот город. Выше и выше, жар от солнца становился невыносимым, но она заставляла крылья двигаться и поднимать ее. Кожа стала трескаться, как пересохший пергамент, она вопила от боли, но летела ввысь. Ей хотелось сгореть дотла. Но потом она просто упала в поляна сырую мокрую землю, покрытую сухими остатками прошлогодней и первыми ростками свежей травы. Дымясь от жара, она подняла голову и увидела вдалеке ангела.

– Габриэль! Габриэль! – в голосе ее слышалось душераздирающее отчаяние, и крик разнесся далеко над землей.

Ангел почувствовал, как сердце сжимается от жалости к потерянной душе. Но он не повернулся.

– Габриэль! Убей меня! – она рыдала, но слезы не текли по ее лицу.

– Слишком поздно, – не оборачиваясь, произнес он. – Ты уже мертва.

Он ушел, и она вдруг начала дико хохотать и, одержимая

гневом, встала. Да. Она умерла. Когда-то давно. Но вот снова воскресла. Теперь ей нужно обрести потерянную, разбро- санную по всему миру мощь. Воплем она призвала к себе своих слуг. Одним взглядом послала их на охоту.

Ей поднесли пузырек с кровью, и, пригубив ее, Ноктурна облизнула губы.

Процесс возрождения был завершен. Но крови говорящей с призраками было слишком мало.

Глава 3

Когда Настя прыгнула через костер, попав в полосу дыма и жара, она почувствовала, как все тело покалывает будто иголками. Но это было не болезненное ощущение, как при переходе в Иной город, а приятное и ласковое прикосновение. Рубашка вспыхнула на ней, горячий воздух ударил в лицо, но когда она приземлилась по другую сторону, боли и ожогов не было. А вот рубашка исчезла.

Она не успела ни замерзнуть, ни испугаться своей наготы. Исчезли женщины. Перед ней стоял граф Виттури.

Она скрестила руки на груди, боясь подняться. Он набросил на нее мягкий атласный алый плащ. Она завернулась в него и встала. Сердце гулко билось от страха: снова вспомнился сон в Венеции.

Демон легонько дотронулся до ее подбородка и поднял его, заставив посмотреть ему в глаза. Видимо, то, что он увидел в них, ему понравилось. Губы слегка дрогнули в улыбке.

– Здравствуй, Анастасия.

Жар растекался по телу, словно огонь теперь двигался в ее кровеносной системе, вспыхивая искрами золота.

– Я поступила правильно?

– Ты поступила так, как считала нужным, – ладонью он приласкал ее щеку. Поцеловал в висок.

Костер внутри вспыхнул ярче. Странно, она ощущала се-

бя совсем иначе с ним рядом. Желание было, но не было страшной зависимости от него. Вроде бы она теперь по-прежнему связана с ним, по-прежнему хочет быть с ним, но при этом остается самой собой. Но кем? Кто такая эта Настя, что вышла из костра?

Он набросил ей на голову красный капюшон.

– Нам пора возвращаться, Красная Шапочка, будь осторожна.

– Это мой лес, демон. Здесь волки мои друзья, – впервые в жизни она посмотрела ему в глаза спокойно.

– Да! – его глаза вспыхнули желтым светом. – Все так, все верно.

И она проснулась.

«Господи, ну и бред мне приснился!» – Настя потянулась, не желая вылезать из-под теплого одеяла. Мысленно пробежалась по делам, которые предстоит сделать сегодня: заехать в кафе к Пепе, потом на испанский, затем пробежка с Диего и тренировка. Хороший день.

Она села на кровати и ойкнула, когда увидела, что обнажена. А потом ее бросило в жар: на постели, напоминая кровавую лужу, лежал смятый алый плащ.

– Мама! – тихо прошептала Настя.

Значит, все правда. Она сиганула из окна. Была в лесу. Танцевала вокруг костра и говорила со старой волчицей. Прыгала через огонь. И предстала голой перед графом Вит-

тури.

Завернувшись в плащ, она пробежала к шкафу, достала оттуда халат и оделась.

Сердце стучало бешеным ритмом. Когда она умылась и привела себя в порядок, схватила сумку с учебниками и перед выходом вспомнила про черную коробочку, которую старалась носить с собой все время. Пожалуй, она заедет в агентство, может, Серж сумеет открыть ее?

Она выскочила из дома, добежала до метро.

Ее не покидало ощущение, что реальность вокруг воспринимается несколько иначе. Но что именно изменилось – сказать было сложно.

В поезде она достала телефон, чтобы написать несколько сообщений маме.

– Здравствуй, Настя! – сказал пассажир, который опустился рядом с ней на сиденье.

Настя испуганно подняла голову и встретила взглядом с красными глазами Азazelло. Демон сидел рядом с ней в метро, нижние клыки чуть приподнимали верхнюю губу, лоб бороздили морщины, одутловатое лицо, нездоровая желтизна, красные глаза... Да как другие пассажиры не разбегаются с воплями?! Она бросила взгляд на стекло напротив: рядом с ней отражался мужчина в деловом костюме. Понятно.

– Что тебе надо, Азazelло?

Демон растерянно моргнул, словно не ожидал этого во-

проса. Настя помнила про взгляд василиска. Поэтому она отвернулась от него и уставилась в отражение напротив.

– Я пришел поговорить, не бойся, не съем. Я хочу, чтобы ты сделала кое-что для меня.

Она засмеялась.

– С какой стати?

– Чтобы спасти друзей.

– Это блеф.

– Это правда. Самаэль ведет опасную игру. Ты ведь умная девочка. Наверняка пыталась найти информацию о нем.

– Эгрегор Зла? Сатана? Виновник грехопадения человека? Ангел смерти? Я не верю. В тебе больше зла, чем в нем.

– Глупая девочка. Зло хитрое и расчетливое, думаешь, он просто так нянчится с тобой? Он готовит тебя к смерти.

Настя промолчала.

– Самаэль силен. Он всегда был одиночкой, стоит отдельно от остальных падших ангелов. Считает себя всемогущим. Он, а не Люцифер, виновен в том, что человечество обречено. Мы лишь хотим свергнуть его. Ты же сама понимаешь, Настя, что он играет с людьми, заставляя их выбирать. А тебя он принесет в жертву.

Тошнота подкатила к горлу.

– Что ты предлагаешь?

– Ты можешь спасти себя и друзей. Нам нужно лишь одолеть его. Поэтому нам нужна Ноктурна. Без нее даже Люцифер с ним не может тягаться. Ты нам поможешь? А я расска-

жу тебе кое-что о Самаэле. Что заставит тебя передумать.

Он протянул ей маленький пакетик с травами. Его когти слегка царапнули ее ладонь.

– Сегодня ночью завари и выпей. И все увидишь сама.

И он исчез.

Граф Виттури уловил запах райских трав, едва Настя вошла в агентство. Но ничего не сказал. Лика тоже подняла голову, встретилась с ним встревоженным взглядом. Он чуть качнул головой. Она с трудом заставила себя вернуться к документам.

– Сегодня твоим преподавателем по искусствоведению буду я, – сказал он Насте.

Девушка опешила, даже чуть испугалась, но быстро взяла себя в руки. Мило. Раньше она бы густо покраснела.

– Мне нужно только кое-что показать Сержу.

Она полезла в карман джинсов и вынула...

Демон в изумлении смотрел на коробочку на ее ладони.

– Что это? – хрипло спросил он.

– Мне ее дал один парень, – наивные глаза Насти удивленно смотрели на него.

– Ты всегда берешь, что тебе дают, красавица? – зло поинтересовался он. – Если я тебе дам оплеуху, примешь?

Настя сжала ладонь и отступила.

– Только попробуй.

– Лика, – позвал граф, – ты только посмотри, что наша

крошка притащила.

Ангел подошла, и ее синие глаза широко распахнулись при виде коробочки.

– Не может этого быть!

– Да что это такое, можете объяснить?! – терпение Насти было на исходе.

– Открой и увидишь.

– Не могу, я пыталась, она не открывается.

– Пыталась до сегодняшней ночи?

– А что было сегодня ночью? – Лица вспыхнула, но все-таки спросила: – Вы что? Вы...

Граф припечатал ее на место тяжелым взглядом.

– Мы гуляли в лесу.

– Чего-о-о? – не поняла Лица.

– В моем лесу, – пояснила Настя.

– Граф, вы что... вы... – Лица не могла опомниться.

– Вы посвятили девочку, граф? – бархатным голосом спросила появившаяся в коридоре Рита. Ведьма выглядела прекрасно, и не скажешь, что вчера ее сердце билось на ладони у Насти.

– Не я, – и кажется, это особо забавляло графа, – Настя выбрала не меня, не ангелов, она, представьте себе, вызвала саму Мать.

– А девочка не так проста, как казалось сначала. Не так ли, мой милый граф? – довольно промурлыкала Рита. Она подошла к Насте и, обняв ее крепко, поцеловала в губы. – Ты

умница, земная.

– Вы можете прекратить этот идиотский разговор?! – взорвалась наконец Настя. Не хотелось признаваться, но поцелуй Риты был обжигающе приятным. – Никого я не выбирала, там они стояли, на полянке. И что такого в этой коробочке?

Она сунула ее под нос Рите. Зеленые глаза рыжей ведьмы как-то странно сверкнули, и она с шипением отскочила в сторону.

– Наша Настя сплошной склад интересных вещичек, – проворковал граф. Ему это все доставляло несказанное удовольствие. Ну надо же. Кажется, все подключились к игре. Даже Он. Забавно.

Как же он ее злил! Эта полуулыбка, насмешливая и снисходительная, что образует морщинку на правой щеке. Хочется впиться в нее губами, и он об этом знает. Чтобы переключиться, она схватила коробочку и попыталась открыть. К ее огромному удивлению, крышка и правда поддалась так легко, словно до этого она не пыталась открыть ее ножом. На черной бархатной подушке лежала подвеска.

– Твою мать! – Лица испуганно зажала себе рот. Ангелы не ругаются. Почти. Никогда. Но теперь ей стало понятно, почему граф Виттури на грани того, чтобы расхохотаться над самим собой. Они не ожидали, никто из них, что эта девочка, которая попала в агентство абсолютно случайно, вдруг окажется той самой, которой бредил еще Иоанн Бого-

слов.

Настя держала коробочку на ладони вытянутой руки. Что они все застыли как статуи? Она, честно говоря, ожидала чего-то... более впечатляющего. Кнопки от ядерного чемоданчика, к примеру. Или какого-нибудь таинственного камня необычной породы. Но они стоят и смотрят на нее, будто она восьмое чудо света. А на бархатной подушечке тускло блестит солнце с месяцем внизу, а вокруг двенадцать звезд, ну и что в этом особенного?

– Что у вас тут происходит? – в коридор вышли Цезарь и Итсаску.

Граф Виттури быстро глянул на Лику и Риту, а потом с улыбкой повернулся к Цезарю.

– Ничего особенного, девчонки и их побрякушки. Если ты не против, Цезарь, я бы хотел поговорить с Настей у тебя в кабинете.

И, не дожидаясь ответа, схватил ее под локоть и затолкал в кабинет.

– Ты ничего не хочешь мне рассказать?

Настя по-прежнему сжимала коробочку с кулоном в руке, зеленые глаза растерянно смотрели прямо на графа. Губы приоткрыты, из косы выбилась прядь. Такая абсолютно неидеальная. Земная.

– У меня очень много вопросов, – наконец произнесла она.

Он сложил руки на груди.

– Спрашивай.

Она открыла рот, чтобы задать вопрос, но в этот момент в коридоре послышались удивленные возгласы и громко хлопнула дверь. Его приближение он чувствовал всегда особенно ярко. Враг не дремлет.

– Черт бы вас всех побрал, – граф Виттури скрипнул зубами, прижал Настю к стене, а сам закрыл ее спиной, повернувшись лицом к двери. Та распахнулась, и на пороге кабинета оказался высокий статный мужчина, одетый в бежевый деловой костюм. Глаза были серые, волосы русые, длинный и красивый нос, пухлые губы.

Гость не представился, протянул с порога руку Насте.

– Пойдем со мной.

Настя нервно сглотнула. Голос казался знакомым, порождая какие-то тревожные ассоциации. Она чувствовала, как напряжен демон. Внешность гостя внушала доверие, но почему тогда ей так сильно не хотелось к нему идти?

– Не бойся меня, Настя. У меня есть ответы на все вопросы.

Сердце бешено застучало. Ей хотелось получить ответы. Но в то же время было страшно.

– Кто ты такой?

Гость отдернул руку, как будто она не спросила, а попыталась укусить его.

– Иди ко мне! – повторил он с большим напором.

– Напрасно стараешься. Она не подвержена больше гип-

нозу, – граф Виттури расслабился, но по-прежнему закрыл Настю собой.

По лицу гостя пробежала секундная тень.

– Настя, я знаю, что у тебя есть подвеска, – попытался он еще раз, – ты должна быть на нашей стороне.

– На чьей именно? – Настя понимала, что знает этот голос. Уже слышала его. Не видела лица. Но голос ей был знаком. – Ты тот самый проводник?

– Архангел Михаил, – представил граф мужчину. – Он плохо обучен этикету и все время забывает представиться, считает, что его все знают. Маня величия.

– Ты больше не можешь находиться с демоном. Ты должна быть с нами. Мы позаботимся о тебе, – Михаил, казалось, не замечал графа Виттури.

– Интересно, почему вы не сделали этого раньше? – язвительно вставил демон. Если нужно, он разнесет агентство, но Настю ему не отдаст. А девчонку придется связать, потому что она будет рваться к ангелам.

– Я никуда не пойду с тобой.

Ангел и демон уставились на нее одинаково удивленно.

– Я вообще никому ничего не должна больше, – Настя ощущала, как огонь в крови забурлил снова, как тогда, в волшебном лесу. – Оставьте меня в покое.

Гнев сверкнул в глазах Михаила. И это был страшный гнев, холодный белый свет вдруг ослепил ее на мгновение. Но тут же погас.

– Значит, я ошибся, – тяжело припечатал он и исчез.

Граф так стрельнул взглядом на стоящих в проеме ребят, что те поспешили прикрыть дверь.

Настя была бесконечно благодарна ему за то, что, не говоря ни слова, он сгрел ее в свои объятия. Она ткнулась лицом ему в грудь, вжалась в него всем телом, а он поцеловал ее в макушку. И они долго стояли так. Постепенно ритм ее сердца становился спокойнее, страх проходил.

– Ты ведь всегда будешь рядом, демон? – прошептала она тихо-тихо.

– Всегда. Пока твоя смерть не разлучит нас.

Ее смерть. И она вспомнила Азазелло: «Он готовит тебя к смерти».

Ну и пусть. Только к ангелам она не пойдет. Архангел Михаил внушал какой-то священный ужас, трепет, ей куда спокойнее с демоном. У нее есть друзья. А то, что смерть витает рядом... Так ведь она смертна, и потому не стоит бояться.

В солнечном сплетении разгорался жар, граф отстранил ее слегка, и на мгновение ей показалось, что она увидела золотое свечение между ними.

– А теперь расскажи мне о проводнике, – сказал он.

Они так и стояли обнявшись, пока он слушал ее рассказ, внимательно глядя ей в глаза.

– Настя, когда же ты научишься рассказывать мне все сразу?

– Я сообщила то, что считала важным. То, как появилась

вторая картина. Откуда мне было знать... – она виновато опустила глаза. – Теперь ты поясни про подвеску. Почему вы так все на меня смотрели?

Вместо ответа он подошел к книжному шкафу, открыл его створки и вытащил Библию. Поманил Настю на диван рядом с собой.

– «Откровение Иоанна Богослова» читала когда-нибудь?

– Нет. Но это же про конец света?

– Да, – он пролистал до нужного места и ткнул пальцем в главу двенадцать.

«И явилось на небе великое знамение: жена, облеченная в солнце; под ногами ее луна, и на главе ее венец из двенадцати звезд», – прочитала Настя. Потом посмотрела на подвеску.

– И вы решили, что я – это она? – она засмеялась.

– Даже Михаил так решил. Только теперь ты выбрала: на небе не появляться, – он легонько щелкнул ее по носу.

– Кажется, тебе это доставило удовольствие.

Золотые искры снова заиграли в его карих глазах.

– Для меня особое удовольствие поставить архангела на место. Но стать свидетелем того, как его ставит на место простая девчонка, оказалось еще приятнее. Не пожалела, что выбрала меня?

– Нет. К тому же я выбрала не только тебя. Я выбирала вас всех.

Он улыбнулся.

– Пытаешься поставить меня на место?

Настя смело кивнула. Волна горячей лавы двигалась по ее сосудам вместо крови. Близость демона и его дружелюбный настрой расслабляли. Поэтому она не сразу смогла собраться, когда он вдруг опрокинул ее одним рывком на диван, дыхание обожгло ей шею. Она дернулась, но тут же затихла: ожидание его поцелуя уже было блаженством.

Он провел пальцем по ее губам, и они приоткрылись. Наклонился так низко, что его черные волосы ласкали ее лицо. Настя часто дышала под ним, он слышал, как бьется в страстной лихорадке ее сердечко. Его ладонь медленно скользнула по ее телу к бедру.

– Будь любезна, объясни мне, откуда у тебя это?

Он показал ей зажатый между пальцев пакет с травой. Она снова попыталась вырваться, но для него было особым удовольствием пригвоздить ее к дивану своим весом. Стараясь не обращать внимания на то, как будоражило кровь лежащее под ним тело, он впился в нее взглядом.

– Ну же, Анастасия, удиви меня, – вкрадчиво произнес он.

Тянущая боль внизу живота была откликом на его тяжесть, задыхаясь от желания, которое мутило разум, она честно ответила:

– Азazelло дал. Сегодня в метро.

Правая бровь графа полезла на лоб.

– Почему не рассказала?

– Не успела, – огрызнулась она, еще раз трепыхнулась, пы-

таясь выбраться. Вдруг отпустит. Адреналин огромными дозами поступал в кровь, еще немного, и она будет не в силах даже соображать. Но, встретившись взглядом с демоном, она вдруг поняла, что не одна мучается: его взгляд, обычно такой насмешливый, стал мутным от желания, она уловила его частое дыхание, и почувствовала, что он возбужден. От волнения голова закружилась, комната поплыла. Он наклонился ниже, губами коснулся раковины ее уха, лизнул его, с удовольствием почувствовал, как она встрепенулась, отзываясь против воли на ласку.

– Я всегда буду рядом.

Он нежно прикусил мочку уха, и Настя еле слышно застонала. Если бы не необходимость сохранять ее невинность и целомудрие...

Он опустил ее так же внезапно, как и схватил, бросил ей на колени пакетик с травой и отошел к окну. Дверь открылась, и вошел Цезарь.

– У вас все в порядке? – он цепким взглядом оценил растерянную девушку, заправляющую прядь за ухо, Библию на диване рядом с нею и мрачного графа Виттури около окна. Смерив взглядом город за стеклом, граф повернулся.

– Все хорошо. За исключением одного: Настя сегодня вечером встречается с Азазелло.

К путешествию все было готово. Настя сунула меч в ножны, затянула покрепче резинку на косе.

– Уверена, что ничего не забыла? И что действительно хочешь идти? – в десятый раз спросил граф Виттури. Судя по его подчеркнuto безразличному и насмешливому выражению лица, он нервничал не меньше Диего, который пантерой метался по комнате, мягкими шагами меряя расстояние от стены до стены. На постели Насти развалился Джонни, ему, кажется, все было до лампочки.

Настя кивнула: она еще в метро знала, что пойдет. Демон не пытался ее отговорить, лишь убедился, что она решилась, и дал советы.

Лица устала просить Настю не ходить, поэтому просто сидела на стуле, обхватив себя руками. В комнату вплыла Итсаску с напитком, от которого поднимался сладкий аромат.

– Рита сказала пить маленькими глотками, – она протянула Насте дымящийся напиток изумрудного цвета.

Только тогда Джонни подскочил с кровати, подошел к Насте и провел по ее запястью пальцем, чертя какие-то символы.

– Руны-охранки.

Викинг на мгновение задержал ее кисть в своей руке, и его синий глаз довольно блеснул, встретившись с ее перепуганным взглядом.

– Что-то мне подсказывает, что ты справишься, малышка.

Тот же напиток они налили в кастрюльку Диего и, посмотрев друг на друга зелеными глазами, девушка и пантера начали пить. С каждым глотком они становились прозрачнее,

пока чашка не упала пустой на пол, и Настя с Диего не исчезли окончательно.

Настя шла по темному коридору, в конце которого был красный свет. Время от времени она ощущала, как мягкий бок пантеры чуть касается ее ноги.

Они шли в абсолютном молчании. Настя повторяла про себя инструкции графа. Она отправилась в это путешествие, потому что граф надеялся узнать, нашли ли уже демоны Ноктурну или нет. А сама она хотела узнать побольше о нем. Насте нельзя было ничего брать в том мире, нужно было удержаться от искушений; напиток сделали слабым, он должен был быстро вернуть ее обратно. Насте было и страшно, и любопытно. Когда маленькой девочкой она читала греческие мифы, то Аид казался ей местом, где герои проходят самые тяжелые испытания. И часто оказываются пойманными навсегда. Царство мертвых. Само название вселяет страх. И хотя граф Виттури заверил ее, что встречи под действием напитка происходят чаще всего на земле, она не верила в это, потому что коридор был темным, узким, и ощущение того, что она спускается под землю, не покидало ее.

Там, где она вышла, небо было красным. У выхода из пещеры их ждал десяток чертей, а как еще назвать рогатых и козлоногих забавных человечков? Они прыгали вокруг нее и пантеры, дергали ее за косу, Диего за хвост, трогали ее меч, тянули за одежду. Диего с легким рычанием поворачивался вокруг, они бросались врассыпную, хохоча и повизгивая.

Эти рогатые были не опасны, Настя протянула руку и погладила одного из них между рожек. Тот довольно хрюкнул и прижался к ее ноге как верный пес. Они и между собой возились не переставая: дергали за хвосты, ставили подножки, тянули за рога: гомон стоял страшный. Черти вели их куда-то в сторону, но Настя остановилась, Диего лег у ее ног, дыша открытой пастью. Правило номер один: далеко не уходить.

Время шло, но никто не появлялся. Настя сбросила напряжение, расслабила плечи и руки. Черти вокруг колбасились как могли, напоминая шумную стаю воробьев: голосили, дрались, кувыркались и задирали друг друга. Может, Аззелло решил не приходить, потому что с ней Диего?

И тут все черти прижались к земле и притихли. В воздухе слышался шепот и звуки капающей воды, иногда тишину разрывали удары грома и звон монотонного колокола. Далеко на горизонте желтыми всполохами сверкала молния. Мужской шепот приближался. От него кожа покрывалась мурашками, и каждый волосок вставал дыбом. Но Настя только крепче сжала зубы. Послышались ритмичные удары, казалось, сокращалось гигантское сердце. Или то бились в унисон сердца девушки и пантеры? Промелькнули по небу черные крылатые тени с воплями динозавров. Настя пригнулась к спине Диего. Больше всего на свете хотелось скрыться в пещере.

Второе правило: что бы ни происходило, сохраняй спокойствие. Ты явилась туда по их зову. Ты нужна им больше,

чем они тебе.

И тут на поляну вышло огромное количество демонов. Звероподобные и человекоподобные создания принохивались и приглядывались к гостям. Настя встала. Она пыталась разглядеть в толпе существ Азазелло. Но его не было среди массы самых странных и невероятных созданий, которые, казалось, невозможно даже вообразить. Диего выгнул спину и зарычал, когда один из них слишком близко выдвинул свои щупальца. Но тут все они, как по команде, посмотрели назад и вверх, куда-то в багрово-красное небо. Настя увидела черную массу на горизонте, которая увеличивалась. Подул ветер, холодный и колючий. Небо вдруг потемнело до цвета черного бархата, и Настя с ужасом, перемешанным с восторгом, смотрела, как к ней приближается странное конное воинство: у лошадей были черепа вместо морд, гривы такие серебристые и длинные, что путались между собой, а всадники-демоны были красивее тех, что выползли на площадку раньше, но вместе с тем и более жуткие. Судя по тому, как шумные черти с визгом поспешили исчезнуть, это воинство было грозным. Там были красивые женщины, которые ехали верхом на птицах, мужчины оседлали скелетоподобных и обычных лошадей, какие-то странные летающие ящеры, на которых восседали черные фигуры с горящими красным глазами. Внезапно ей вспомнилось, что так изображали Дикую Охоту – колдовское и демоническое воинство, которое, по преданиям, носилось ночами над дорогами и убивало

случайных путников. Кровь стыла при визге лошадей, они больше были похожи на назгулов. Сравнение тоже не прибавило ей храбрости.

Но голос графа Виттури еще звучал в ее памяти: «Третье правило, Настя. Что бы ни происходило, если дашь им понять, что боишься, ты пропала».

Вся небесная кавалькада опустилась вниз, раскидывая и прогоняя прочь демонов поменьше, визг и хохот наполнили поляну. Одна из нагих прекрасных женщин соскочила со своего коня, подбежала к пантере и дернула ее за хвост. А когда животное оцетинилось, громко захохотала, злобно скаля зубы. Она метнула в черную кошку какой-то синий шар, который Настя не успела даже заметить, только мелькнула синяя вспышка, и вот с корточек поднимается Диего-человек.

Не успела Настя и слова сказать, как ведьма выбросила прозрачный аркан, который лег Диего на шею и затянулся петлей. Обворожительно облизываясь, ведьма подтянула к себе парня.

– Диего! – Настя вытащила меч из ножен и замахнулась, чтобы рассечь веревку, но Диего зарычал на нее, а ведьма снова дико и заливисто захохотала.

– Иди ко мне, котенок!

И Диего послушно шагнул к ней.

– Не слушай ее!

Настя снова попыталась вклиниться между ними, но ведь-

ма одним движением руки отбросила ее в сторону. Она взяла Диего за запястья, положила его ладони на свои бедра и подалась вперед. Она была обольстительна и хороша: черные волосы змеями вились на ее голове, глаза были полны тьмы. Но тут Настя с ужасом увидела, что кудри и в самом деле змеи: шипя, поднимались они на ее голове.

– Поцелуй меня, красавчик! – алые губы ведьмы приблизились к лицу Диего, а змеи обнажили свои клыки.

– Я сказала, оставь его!

Настя почувствовала, как ярость разливается жаром по телу. Ее ноги с силой оттолкнулись от земли, и она одним прыжком оказалась рядом с ведьмой и рассекла мечом синюю вязь. Диего отшатнулся от ведьмы, змеи на голове попытались ужалить Настю, но Диего успел оттащить ее на безопасное расстояние.

Они так и замерли: девушка с поднятым мечом и зеленоглазый оборотень, приобнявший ее за плечи. Ведьма завизжала, и вся группировка демонов грозно надвинулась на пару, но тут вперед вышел мужчина в богатых одеждах, в черной короне. Он был прекрасен и вместе с тем ужасен: лицо присыпано пеплом, на щеках следы от слез, седина в темных волосах и темные пустые глаза. Он поднял руку, и все отступили.

– Так значит, ты и есть игрушка Самаэля? Та самая, что может говорить с призраками?

Голос был глубоким и раскатистым.

– Где Азazelло? – вопросом на вопрос ответила Настя. Демон приподнял бровь.

– И дерзкая, как я погляжу...

Его взгляд вдруг стал причинять Насте жуткую боль, она со стоном пошатнулась. Кровь словно заморозилась в маленькие колючие кристаллы, которые вонзались в стенки сосудов. Диего тоже закричал от боли.

– Где Азazelло?! – Настя вопила одни и те же слова, чтобы не умолять о пощаде. – Где Азazelло?!

– Что здесь происходит? – ровный и холодный женский голос вдруг прервал ее муки.

Оглушенная, она подняла голову. Перед ней, обвитая белым туманом, стояла снежная королева. Иначе язык не поворачивался назвать холодную красавицу с пронзительно светлыми глазами и длинными белыми волосами.

Руна на запястье вдруг накалилась. Настя поняла, что самая настоящая опасность исходит именно от этой женщины.

– Это смертная, – с отвращением продолжала белая дама, наморщив нос, словно Настя смердила. – Что здесь делает человек?

– Полагаю, пришла на разведку, Небесная.

Руна на запястье начала пульсировать и раскаляться. Настя попятилась назад, понимая, что надо уходить.

– Что это у тебя там? – женщина в одежде из тумана протянула руку, и Настю потащила к ней сила, которой она не могла сопротивляться. Цепкие пальцы схватили ее за-

пьястье и перевернули. Под взглядом женщины руны стали появляться на коже. Ее руки вдруг стали синими, и она отпустила Настю.

– Я думала, что убила их всех.

Настя сглотнула. Она бросилась бежать обратно к пещере, но серебристый туман свинцовой тяжестью опутал ее ноги. Она бросила взгляд на пантеру у входа в пещеру.

– Диего! Беги! Скажи, что она здесь! Ноктурна здесь!

Удар по голове был таким сильным, что она мгновенно потеряла сознание.

Когда Настя очнулась, покачивание и плеск воды смутили ее еще до того, как она открыла глаза. Она должна была находиться дома, если действие травы закончилось.

Приоткрыв один глаз, она увидела только деревянную поверхность. Перевернулась на спину и открыла глаза. На зеленоватом небе, затянутом облаками, светило нечто похожее на Луну. Пахло протухшими яйцами, просто отвратный запах, но к нему постепенно можно было привыкнуть. Села и поняла, что находится в лодке одна с гребцом, который стоял на носу в черном плаще и капюшоне, накинутом на голову. Время от времени он шевелил длинным веслом, отталкиваясь от воды.

Настя схватилась за меч, он был на месте. Она осмотрелась: берегов не было видно, вода была черной, и время от времени в ней мелькали бледные пятна. Она присмотрелась.

лась и почувствовала, как от ужаса волосы встают дыбом. То были человеческие останки. Перегнувшись через бортик, она увидела, что под мрачными водами кишат люди, корчась в мучениях и агонии.

Она снова села ровно. Нет. Этого не может быть. Это трава, несомненно, они переборщили с этим наркотиком. Она спит.

– Эй! Вы там, с веслом! – губы предательски дрожали. Она сжала рукоять меча. Три глубоких вдоха. – Ты, в капюшоне! Я с тобой разговариваю! Куда мы плывем?

Хотелось плакать. Она поднялась на ноги. Подошла к лодочнику и выглянула из-за его плеча.

От носа судна шли тросы, заросшие гнилыми водорослями, за которые тянули, как в упряжке мулы, полуистлевшие скелеты.

Настя сделала шаг назад. В этот момент фигура гребца повернулась к ней. Под капюшоном был просто черный мрак.

– Харон? – тихо спросила Настя.

Тип в капюшоне мгновение молча созерцал ее, потом повернулся и продолжил неторопливые движения веслом.

Настя села на дно лодки и обняла себя за колени. Значит, она умерла. Вот как это бывает. И, уткнувшись лицом в колени, громко и отчаянно заплакала. Лодку стало качать все сильнее и сильнее, хлюпая носом, Настя подняла голову и убедилась, что кошмар продолжается: на борт со всех сторон пытались залезть человеческие тела с белыми глаза-

ми. Это были ожившие трупы, они тянули к ней руки. Она поднялась и вытащила меч из ножен. Куда бы она ни плыла в этой жуткой лодке, падать в жижу с мертвецами Настя не собиралась. Она сбрасывала их за борт, стараясь не сильно раскачивать утлое суденышко. Встав спиной к проводнику, она защищала его от белых и распухших тел, которые пытались забраться к ним. Трупы не рычали, не дышали, был слышен только плеск воды, удары меча.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.